

«Inter historiam et argumentum et fabulam»: контуры литературной теории на рубеже XII века

Н. М. СЫЧЕВА

(ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН; УНИВЕРСИТЕТ ПАРИЖ-IV — СОРБОННА)

В статье исследуется влияние литературной теории, сложившейся в античной риторике (на примере трех жанров: *historia*, *argumentum* и *fabula*), на труды таких средневековых мыслителей и историков, как Макробий, Исидор Севильский и Вальтер Мап.

Ключевые слова: античная риторика, *historia*, *argumentum*, *fabula*, средневековая литературная теория, Макробий, Исидор Севильский, Вальтер Мап.

Аристотель в IV в. до нашей эры в трактате о поэтике противопоставил историю и поэзию: «Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном» (Аристотель, 1983: 655). «Поэтика» еще не получила известность к XII в., однако, отталкиваясь от мысли Аристотеля, противопоставлявшего историю и поэзию (литературу, вымысел) по функции (говорить о единичном или об общем), попытаемся понять, с какими нарративными категориями связана «история» в латинской средневековой теоретической мысли и как эти категории соотносятся между собой. Не претендуя на исчерпывающее исследование этой темы, остановимся на трех латинских авторах V–XII вв., которые отвечают тем или иным способом на поставленный нами вопрос: это Исидор Севильский, Макробий и Вальтер Мап.

Как пишет Б. Гене, уже «классическая риторика различала *historia*, которая повествует об истинном, *argumentum*, который рассказывает не правду, а нечто правдоподобное, и *fabula* — рассказ, который не содержит ни правды, ни правдоподобия» (Гене, 2002: 22). Когда Гене говорит о «классической риторике», он имеет в виду, главным образом, трех латинских авторов: Цицерона с его трактатами «Об ораторе» и «О нахождении», Квинтилиана с его «Наставлением оратору» и анонимного

автора «Риторики для Геренния». Все три автора различают три типа повествования в зависимости от степени его истинности и предлагают противопоставить, три категории: *fabula*, *argumentum*, *historia*. *Fabula* — это не только вымышленное повествование, но и такое повествование, которое содержит не встречающиеся в действительности нарративные элементы: говорящих животных, превращения человека в растение или животное и пр. *Argumentum* — также вымышленное повествование, но отличающееся правдоподобием. *Historia* описывает события, которые и в самом деле произошли.

Литературные жанры, сформированные под влиянием упомянутых категорий: 1) трагедия или песнь (соотносящиеся с *fabula*), 2) комедия (связанная с *argumentum*), 3) историография, основывающаяся на действительных событиях, *res gestae*. Противопоставление этих трех жанров, представляющееся довольно четким в передаче современных исследователей, оказывается более сложным, если обратиться к непосредственному сравнению трудов средневековых авторов.

Исидор Севильский, оказавший огромное влияние на средневековых писателей, уделяет в своих «Этимологиях» немало места противопоставлению и сравнению трех упомянутых видов повествования. В первой книге «Этимологий» («Грамматика», глава XLIV «О родах истории») он, в частности, пишет: «Также и между историей, рассказом и басней есть различие. Ведь истории — это то, что на самом деле случилось, рассказы (*argumenta*) — то, что хоть и не произошло, однако же могло быть, а басни — то, чего не было и быть не

могло, ибо они не согласны с природой» (Исидор Севильский, 2006: 65). Басне Исидор посвящает отдельную главу (XL, «О басне»): «Слово басня (*fabula*) поэты произвели от слова «повествуя» (*fando*), поскольку басни рассказывают не о том, что произошло, но о том, что создано одной лишь речью» (там же: 63).

Продолжая свою мысль, Исидор говорит и о функциях басен: «Некоторые басни поэты сочинили ради развлечения, другие — для объяснения природы вещей, третьи — для изображения людских нравов» (там же).

Басни, сочиненные для развлечения, предназначены простым людям (в качестве примера Исидор упоминает комедии Плавта и Теренция, сюжеты которых вымышлены и в этом смысле сближаются с его определением «басни», т. е. вымысла). Басни, созданные для объяснения природы вещей, повествуют о животных и природных явлениях — как существующих, так и не существующих (например, о гиппокентавре — получеловеке и полуконе). Наконец, басни о нравах повествуют о них «так, чтобы посредством некоторого вымышленного рассказа, обладающего, однако, подлинным смыслом, прийти к некому заключению, ради которого басня и была написана» (там же: 64).

Итак, Исидор идет вслед за классической риторической мыслью, резюмирует ее основные идеи и повторяет ее троичное деление, упоминая «историю», «аргумент» и «басню» (вымышленное повествование). Отметим, однако, что один из видов басен, сочиненных «для изображения нравов», — вымышленный рассказ, содержащий некий «подлинный смысл», — отчасти сближается с историей, содержащий рассказ о том, что случилось на самом деле (*res verae quae factae sunt*).

Макробий, известный и цитируемый на протяжении всего Средневековья латинский автор V в., вносит свой вклад в развитие классической риторической мысли во введении к «Комментариям на сон Сципиона». Труд Макробия был известен Исидору Севильскому, «Этимологии» которого содержат множество отсылок к «Комментариям», в особенности третья книга, которую Исидор посвящает астрономии. Мы попытаемся проследить, что отличает литературную мысль Макробия от

мысли Исидора и классической риторической традиции.

В самом начале «Комментария» Макробий оправдывает использование вымысла, более конкретно — снов, в произведениях философов, в частности Платона. При этом вымысел (Макробий использует здесь ожидаемое слово *fabula*) определяется им следующим образом: «Басни, коих имя открыто заявляет, что они суть вымысел, были изобретены в одном случае, чтобы только доставить удовольствие слушателям, в другом — чтобы подвигнуть их к более нравственной жизни» (Macrobe, 2003: 6). Итак, Макробий говорит о двух функциях басни и вымысла; первая — *delectare* — совпадает с функцией басен, которые Исидор считал предназначенными «для развлечения»; вторая — *docere* — с функцией басен, изображающих людские нравы. Далее Макробий развивает это положение, одновременно иллюстрируя его примерами: всякий вымысел, цель которого заключается лишь в том, чтобы доставлять удовольствие читателям (*totum fabularum genus, quod solas aurium delicias proficitur*), как, например, комедии Менандра, практически все произведения Петрония и некоторые произведения Апулея, не достоин пера философа и не должен присутствовать в философских сочинениях.

Произведения, включающие вымысел, но преследующие цель подвигнуть читателей к более нравственной жизни, в свою очередь, делятся на две группы: «В некоторых баснях повествование (*argumentum*) полностью вымышлено и вся сюжетная канва соткана из одного обмана, — как, например, в баснях Эзопа, известных утонченностью вымысла; в других же баснях повествование (*argumentum*) основано на твердой истине, но сама эта истина предстает в соединении с чем-то придуманным и сочиненным — в таких случаях говорят не о басне (*fabula*), но некоем «недостоверном повествовании» (*narratio fabulosa*)» (там же: 6–7). У Макробия встречается, то же слово, *argumentum*, которое век спустя будет использовать Исидор, однако здесь оно не является отдельной нарративной категорией. В то же время Макробий вводит определение нового вида повествования — *narratio fabulosa*. Здесь

примерами служат ритуальные орфические и гесиодические мистерии, мистические культы пифагорейцев, посвященные происхождению богов и их деяниям.

В свою очередь, повествования этого последнего типа подразделяются на две подгруппы. Ведь даже если повествование (*argumentum*) основано на истине, оно может содержать нечто гнусное, отвратительное и недостойное, например рассказ об изменах богов или о Сатурне, отсекающем фаллос у отца; повествования такого рода философы предпочитают избегать в своих книгах. Бывает, напротив, что в повествовании нет ничего непристойного, но речь идет лишь о достойных событиях и лицах; такого рода «недостовверные рассказы» допускается использовать в сочинениях философов (Macrobe, 2003: 7).

Таким образом, Макробий предлагает многочленную классификацию родов вымысла, различающихся как по степени удаленности от «правды», действительно случившегося, так и по функции и степени благопристойности. Границы между вымыслом и «правдой» предстают у него менее четкими, чем у Исидора. В Средние века эта классификация, вне сомнений, служила опорой для авторов, использовавших фольклорный материал или легенды, поскольку позволяла находить в них и часть «правды», и моральный смысл.

Вальтер Мап, придворный Генриха II Плантагенета, еще более затушевывает различия между «историей» и вымыслом. В первой книге своего главного и единственного труда «О шутках придворных» Мап упоминает две нарративные категории, с которыми мы уже встречались у Исидора и в классической риторике, — историю и басню, *historia* и *fabula*: «...у нас есть истории, продолжающиеся от начала времен до наших дней, мы читаем также и басни» (Мап, 1983: 126). По мнению Вальтера Мапа, мы ценим историю, поскольку находим в ней некий мистический смысл, *intellectus mysticus*, благодаря которому учимся чувству меры и смирению. В качестве примера он упоминает библейские истории о Каине, Содоме и Гоморре, об Иосифе и др. Что касается басен (таких, как сказание об Атридах и Фиесте, Пелопсе и Ликаоне, а также других,

схожих с ними), они обладают той же функцией, что и истории, — наставлять: «басни также служат нам поучением» (там же). Поэтому, уверяет Вальтер Мап, не следует избегать чтения басен, ведь они имеют общую функцию с историей, «оба вида повествования подчиняются «общему закону и имеют одинаковую цель» (там же).

Итак, Вальтер Мап больше не настаивает на непреодолимом различии между историей и басней. Даже если эта разница существует, поскольку история основывается на истине (*ueritate nititur*), тогда как басня соткана из вымысла (*ficta contextit*), Вальтер склонен скорее не противопоставлять, а объединять эти две нарративные категории, поскольку цель и функция у них одна — наставлять: «И история, основанная на истине, и басня, что сплетена из вымысла, приносят счастье своим благополучным окончанием, ведь добродетель торжествует и осуждает нечестивцев на горестную смерть, — и та, и другая показывают, сколь отвратителен порок» (там же).

Мысли о нечеткости разграничения «правды» и вымысла, о частичном или полном совпадении их функций, а также о возможности объединить их в одном и том же произведении оказались значимыми для средневековых писателей, создающих свои произведения на народных языках, однако доля вымышленных и «правдивых» элементов, а также характер их соединения будут различными для каждого автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель. (1983) Поэтика // Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль. Т. 4. С. 645–680.
- Гене, Б. (2002) История и историческая культура средневекового Запада. М. : Языки славянской культуры.
- Исидор Севильский. (2006) Этимологии, или Начала : в 20 кн. / пер. с лат., ст., примеч. и указатели Л. А. Харитонова. СПб. : Евразия. Кн. 1–3. Семь свободных искусств.
- Macrobe. (2003) Commentaire au songe de Scipion : 2 Vols. Paris : Les Belles Lettres.
- Мап, W. (1983) De Nugis Curialium / ed. and tr. by M. R. James, rev. by C. N. L. Brooke, R. A. B. Mynors. Oxford : Clarendon Press.

Дата поступления: 15.02.2013 г.

«*INTER HISTORIAM ET ARGUMENTUM
ET FABULAM*»: *OUTLINES OF THE LITERARY
THEORY AT THE TURN
OF THE 12TH CENTURY*

N. M. Sycheva

(*The Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences; Paris-Sorbonne University —
Paris IV*)

The article examines the influence of the literary theory developed in ancient rhetoric (as exemplified by three genres — historia, argumentum, and fabula) on the works of such medieval thinkers and historians as Macrobius, Isidore of Seville, and Walter Map. Keywords: ancient rhetoric, historia, argumentum, fabula, medieval literary theory, Macrobius, Saint Isidore of Seville, Walter Map.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Aristotel'. (1983) *Poetika* // *Sobr. soch.* : v 4 t. M. : Mysl'. T. 4. S. 645–680.

Gene, B. (2002) *Istoriia i istoricheskaia kul'tura srednevekovogo Zapada*. M. : Iazyki slavianskoi kul'tury.

Isidor Sevil'skii. (2006) *Etimologii, ili Nachala* : v 20 kn. / per. s lat., st., primech. i ukazateli L. A. Kharitonova. SPb. : Evraziia. Kn. 1–3. Sem' svobodnykh iskusstv.

Macrobe. (2003) *Commentaire au songe de Scipion* : 2 Vols. Paris : Les Belles Lettres.

Map, W. (1983) *De Nugis Curialium* / ed. and tr. by M. R. James, rev. by C. N. L. Brooke, R. A. B. Mynors. Oxford : Clarendon Press.